

Обратно в лагерь?..

Культура. — 1996. — 1 июня. — С. 5

Петр ТОДОРОВСКИЙ

Сегодня в стране идет сложный процесс, мучительный переход из одного качества в другое. Мы долгие годы жили в единой системе понятий. Перестроить психологию огромного числа людей оказалось самым сложным, хотя, казалось бы, все так самоочевидно.

Люди привыкли к той, прежней жизни, и часто им кажется, что тогда и в самом деле они достойно жили. Возможно, даже кто-то из пенсионеров, стоявших в очередях за колбасой, находил в этом удовольствие, ведь там происходил процесс общения, для многих чуть ли не единственный. Так и стояли часами в ожидании, когда привезут масло или мясо, отдавая дорогое время своей жизни этому занятию. Болтали о дефиците или о чем-то в этом роде, вместо того чтобы погулять в парке, походить по залам музея, посмотреть хороший фильм. Мне трудно по-

нять психологию этих людей. Они как будто забыли, как прежде проклинали советскую власть. Я беседовал и с образованными людьми, рассуждают которые примерно на таком уровне: вот раньше я мог каждое лето отправлять детей в пионерский лагерь, а молоко стоило 36 копеек.

Свобода слова, передвижения, вероисповедания — такие глобальные проблемы жизни общества уходят из поля зрения этих людей. Когда я впервые попал во Францию, меня поразила одна уличная сцена. В центре Парижа, на Елисейских полях, гаишник, применяя нашу терминологию, останавливает машину, подходит к ней, согнувшись, а из автомобиля выходит водитель, совсем пацан, спокойно, выпятив грудь. Когда меня в Москве останавливают за какую-то провинность на дороге, то я изначально преступник. Я бегу, согнувшись, к гаишнику. Заранее я — раб. В нас вогнали микроб раба, который, кажется, проник уже в наши гены.

Конечно, тяжело сегодня жить человеку на двести ты-

сяч. Много нахомувало наше руководство в экономике, применяло скороспелые, необдуманные меры. Словно крест какой-то висит над нашей замечательной Россией. До основанья мы разрушим, а затем... А затем мы и расхлебываем это "затем". При советской власти, при коммунистах мы все и разрушили, а потом начали что-то строить, многое растеряв на этом пути.

Теперь постепенно что-то в жизни налаживается. Реформы начали срабатывать, не говоря уже о том, что появились в магазинах продукты. Для нас, деятелей культуры, новые времена — это возможность открыто высказывать свои мысли и чувства, снимать то, к чему лежит душа. Но всякий переходный момент сопряжен с бедами и страданиями, отсюда и проблемы. Однако я буду голосовать за Ельцина. Объясню, почему. Каждая новая метла, как известно, метет по-своему. Новый человек с самого начала вводит новые порядки, что-то разрушая. Так может длиться до бесконечности. Это первое. Во-вторых, есть надежда, что Б.Н.Ельцин и его команда продолжат проведение реформ. У коммунистов есть своя программа, и если они придут к власти, то поменяют все то, что было наработано за последние трудные годы.

Люди должны трезво оценивать ситуацию в стране. Меня сейчас военные буквально уничтожают за фильм "Анкор, еще анкор". Получаю угрожающие письма, авторы которых считают, что я оклеветал армию. Фильм я снимал три года назад в военном городке, где семьи военных живут в тех же глинобитных бараках, что были построены в конце сороковых годов. Я воевал и, когда вернулся с войны, как раз в таких и жил. А ведь прошли годы. Зачастую в таких городках плохо с водой. В маленький магазинчик завозят продукты раз в неделю. Детей возят в школу за 10–15 км. И все это происходит недалеко от Москвы. Некоторые женщины проклина-

ют день, когда вышли замуж за офицеров. Сколько же можно жить в таких условиях. Только два-три года назад разрешили этим людям строить человеческие дома, ведь городки-то были засекречены.

Ну а дедовщина? В 43-м я учился в Саратовском военно-пехотном училище. Жили в холодных, неустроенных казармах, но не было такого, чтобы в роте кого-то избивали и с этим явлением нельзя было бы бороться. Была жесткая дисциплина. И идеальная чистота. Даже в столь трудных условиях. Начальник училища — хромой генерал, получивший ранение на фронте, выслушав доклад дневального по казарме, спрашивал: "Почему бревна валяются?" Дневальный беспомощно оглядывался. Генерал поднимал носок сапога, под которым лежала спичка. Что-то произошло в армии и обществе, и нужно это менять, дабы окончательно не погибнуть.

К сожалению, демократы никак не могут найти общий язык. Каждый тянет одеяло на себя. Царит разброд. И это несчастье для общего положения дел сегодня и будущей страны. Объединение демократических сил — гарантия того, что у власти останутся люди, которые хотят довести реформы до конца, до того состояния, когда можно ликвидировать резкий перепад богатства и бедности.

Предстоящие выборы очень меня беспокоят. Будет печально, если к власти придут люди, пытающиеся вернуть прошлое, загнать нас в тот лагерь, в котором мы пребывали семьдесят лет. Я-то, ладно, как говорится, натура уходящая. Но у меня есть внуки, сын, который хочет и может работать, у него глобальные планы и много сил. Мне хочется обратиться со словами: "Люди, опомнитесь. вспомните, как вы жили. Опомнитесь во имя того, чтобы, если не вы сами, то ваши дети жили хорошо и богато, в цивилизованном государстве".